

Обзор

УДК 177:74

doi: <https://doi.org/10.19163/2070-1586-2024-17-2-21-26>

Причина актуальности проблемы паллиативной медицины в «зеркале» шумеро-аккадской мифологии

Константин Владимирович Иванов*Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия*

Аннотация. Ненадежность современных методов врачевания экзистенциального дистресса у инкурабельных больных обращает внимание ряда специалистов на возможность применения в рамках паллиативной помощи такого действенного средства борьбы с танатафобией, как обретение символического опыта смерти – возрождения, наиболее простым и эффективным способом генерации которого является использование психodelиков-энтеогенов. Однако тема психodelической терапии умирающих в целом вызывает, как минимум, настороженное отношение со стороны социума, несмотря на привычно высокий уровень наркотизации сферы паллиативной медицины. Такое отношение выглядит явно обусловленным культурной традицией запрета на вкушение плодов с Древа жизни, прослеживаемой вплоть до эпохи Шумера и Аккада. Интерпретация и анализ содержания мифологических произведений этой древней цивилизации дают основания утверждать, что исходной причиной исторического табу на энтеогены явился эффект переживания опыта символического возрождения в виде формирования так называемой психологической «целостности», то есть состояния полного внутреннего умиротворения, сопровождаемого резким снижением потребности во «внешней» адаптационной активности. Это обстоятельство, без сомнения, представляло собой фундаментальную угрозу благополучию и безопасности общества в условиях архаичной доступности данного класса психотропных субстанций. Такая «адаптивно-цивилизационная» природа запрета порождает вопрос о его целесообразности в отношении тех инкурабельных больных, для которых используемые современной медициной паллиативные средства терапии дистресса оказываются несостоятельными.

Ключевые слова: пацификация сознания, адаптация, цивилизация, запрет на энтеогены, инкурабельные больные, экзистенциальный дистресс, психodelическая терапия

Статья поступила 16.08.2024; принята к публикации 18.09.2024; опубликована 20.11.2024.

Review

doi: <https://doi.org/10.19163/2070-1586-2024-17-2-21-26>

The cause of the current of the problem of palliative medicine in the “mirror” of shmerian-akkadian mythology

Konstantin V. Ivanov*Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia*

Abstract. The unreliability of modern methods of treating existential distress in incurable patients draws the attention of a number of specialists to the possibility of using such an effective means of combating thanatophobia as gaining a symbolic experience of death – rebirth in palliative care, the simplest and most effective way of generating which is the use of entheogens. However, the topic of psychedelic therapy of the dying patients causes a wary attitude of society, despite the habitually high level of narcotic saturation of the field of palliative medicine. This attitude seems to be clearly conditioned by the cultural tradition of the prohibition of eating fruits from the Tree of Life, traced back to the era of Sumer and Akkad. Interpretation and analysis of the content of the mythological works of this ancient civilization give grounds to assert that the initial reason for the historical taboo on entheogens was the effect of the experience of symbolic rebirth in the form of the formation of the so-called psychological “wholeness”, i.e. a state of complete inner serenity, accompanied by a sharp decrease in the need for “external” adaptive activity. This circumstance, without a doubt, posed a fundamental threat to the well-being and security of society in the conditions of the archaic availability of this class of psychotropic substances. Such an “adaptive-civilizational” nature of the ban raises the question of its expediency in relation to those incurable patients for whom palliative means of distress therapy used by modern medicine turn out to be untenable.

Keywords: mental pacification, adaptation, civilization, prohibition of entheogens, incurable patients, existential distress, psychedelic therapy

The article was submitted 16.08.2024; accepted for publication 18.09.2024; published 20.11.2024.

Если сложить все, что говорят специалисты о положении дел в сфере современной паллиативной медицины, то главной проблемой этой области социального обеспечения отчетливо представляется отсутствие самого важного, а именно надежного и по возможности простого средства терапии танатофобии. Используемый комплекс мер моральной поддержки инкурабельных больных, включающий духовную, психологическую (в узком смысле) и психофармакологическую составляющие, нередко приносит несчастным лишь слабое утешение, а то и попросту превращается в бесполезное занятие, иллюстрацией чему служит само наличие среди данной категории пациентов значительного числа психологически «тяжелых» и даже «безнадежных» больных.

Безусловно, актуализация религиозного сознания в ситуации терминальной безысходности – мощный мобилизующий фактор в борьбе с экзистенциальным дистрессом. Однако нередко это свойство человеческой психики в той или иной степени нивелируется наличием у пациентов скепсиса в отношении объективности фундаментальных религиозных представлений, что вряд ли можно ставить людям в укор: сомнение или даже неверие – обратная сторона культивируемого цивилизацией адекватно-рассудочного отношения к действительности как базовому условию успешной адаптации. Отсюда и не всегда убедительное воздействие религиозно-догматических посулов на сознание современного человека, воспитанного на требованиях эмпирической верификации информации и угрозе общественного порицания в случае малейшего «отрыва от реальности»... Но даже и при наличии у пациентов искренней убежденности в истинности сотериологической догматики, тема самой смерти как лично неотвратимого события все равно остается для большинства самой «неуютной» и враждебно-чуждой из всех. В норме вопрос собственной «непрерывности» – самый глубокий вопрос человеческого «я», а смерть в глазах разумного телесного существа – тягчайшая трагедия, однозначный ущерб и абсолютное зло, которое в лучшем случае может восприниматься как пугающий «выход» в посмертное «завтра», смутно просматриваемое сквозь призму индивидуального набора соответствующих религиозных представлений и нравственной самооценки. Потому, как видится, в случае «духовного» врачевания инкурабельных пациентов с экзистенциальным дистрессом чаще, все же, уместнее говорить об эффекте «надежды отчаяния» – состоянии, вряд ли равному ощущению психологического благополучия в ситуации неумолимо приближающейся смерти.

Насколько, в свою очередь, действенны методы современной «вербальной» психотерапии – тоже вопрос открытый (при всем уважении к труду специалистов, делающих все возможное для облегчения страдания своих подопечных), ведь речь в данном случае идет, по сути, о склонении умирающих к вынужденно-смирному «удовольствованию» под давлением обстоятельств непреодолимой силы... К примеру, обобщение результатов проведенных исследований «терапии достоинства», одной из наиболее обещающих методик последнего времени, разработанной известным канадским специалистом в области паллиативной медицины, врачом-психиатром Х.М. Чочиновым, показывает, что «ее влияние... на эмоциональные симптомы было противоречивым». Так, с одной стороны, «обзор литературы находит убедительные доказательства подавляющей приемлемости терапии достоинства, редкой для любого медицинского вмешательства», а также «высокую удовлетворенность среди тех, кто ее испытывает». С другой, данные исследования – как и любые другие с участием инкурабельных больных – сталкивались с трудностями из-за проблемы удержания испытуемых в рамках проекта, поскольку «пациенты, имеющие более высокие уровни дистресса, могут с меньшей вероятностью... завершать их». Так, сообщается, что в одном из исследований данной терапии «из 80 пациентов... только 31 пациент (39 %) завершил вторую последующую оценку» [1]. Комментарии, как говорится, излишни... Впрочем, судя по отзывам экспертов, критически настроенных по ситуации в целом, метод действительно эффективный, однако в любом случае это явно не искомое надежное средство.

Что касается фармакологического аспекта рассматриваемой психо-паллиативной «триады», то и здесь ситуация отнюдь не радужная. Несмотря на наличие широкой номенклатуры препаратов, озвучивается термин «тяжелая стагнация», ведь «после открытия селективных ингибиторов обратного захвата серотонина в конце 1980-х – начале 1990-х никаких радикальных открытий... не произошло» [2]. Да и сами СИОЗС, по мнению, к примеру, директора паллиативной службы Медицинского центра Колумбийского университета Крейга Блайндермана, «не показали убедительных результатов у больных раком» [3].

Развивая тему, можно утверждать, что в целом многочисленные анксиолитики и т.п. средства (включая опиаты как вещества «двойного назначения»), применяемые современной медициной, обладают одним общим и принципиальным для всех недостатком: все они предлагают не решение проблемы

страха смерти, а лишь ее своеобразную психофармакологическую косметику, поскольку вызываемый данными препаратами эффект не меняет качественно самого главного – отношения человека к смерти, чья тайна – «есть ли там что вообще, и если есть, то что именно?» – так и остается для него мучительной загадкой до самого конца. Тем временем до двух третей инкурабельных больных называют причиной необоримой депрессии страх перед неизвестностью...

Казалось бы, в вопросе терапии экзистенциального дистресса умирающих сложилась безвыходная ситуация, превращающая краткий остаток жизни обреченных на скорую смерть больных в токсичную для них самих и окружающих «психологическую агонию», порой полностью обесценивающую все положительное значение прожитой жизни. Однако выход, похоже, все же существует в виде средства, известного человечеству с незапамятных времен. Речь идет об опыте переживания «живого» мистического экстаза по схеме «смерть – возрождение», эффектом которого является формирование так называемого, «целостности» сознания, то есть гармоничного психологического состояния, основу которого образует эмпирически обретенная (или подтвержденная) уверенность в существовании благого бессмертия души. Причина столь удивительной эффективности данной методики кроется, по-видимому, в базовом принципе врачевания, лежащего в ее основе, древнем, как и сама медицина: «Лечи подобное подобным»... По мнению известного психиатра и, пожалуй, наиболее авторитетного специалиста современности в области изучения измененных состояний сознания (ИСС) Станислава Грофа, архаичная традиция обретения индивидом символического опыта смерти – возрождения и является тем самым универсально-действенным способом психо-духовного исцеления, которого так не хватает паллиативной медицине сегодня [4]. Согласно концепции этого ученого, возникшей на основе обобщения материалов многочисленных программ научных исследований ИСС, мистико-экстатический – или же перинатально-трансперсональный – опыт (ПТО) представляет собой своеобразный «выход» индивидуального сознания в потустороннее измерение бытия через редукцию психики к актуализированной памяти «травмы рождения», представляющей собой поток полностью поглощающих индивида переживаний, воспроизводящих ту самую «схему исцеления» самого первого и смертельно опасного жизненного события – биологического рождения. Так или иначе, но в глазах людей, лично испытавших такого рода переживания, они имеют высшую степень подлинности, ясно отличаются от похожих психиче-

ских состояний вроде снов или грёз наяву, и нередко рассматриваются как самое важное биографическое событие, коренным образом преобразующее отношение к жизни и смерти [4, с. 408; 5].

Что касается вопроса непосредственного доступа к спасительному ПТО, то в целом к традиционным способам его достижения относят аскезу, ритуальное травмирование, холотропное дыхание и ряд других практик, применяемых как по отдельности, так и в комплексе, а также энтеогены (от др.-греч. «порождающие божественное изнутри») – особый класс психоактивных субстанций, высшим свойством которых является способность вызывать состояния сознания, идентифицируемые специалистами как классический перинатально-трансперсональный опыт, известный нам по многочисленным мифологическим и религиозным источникам.

Очевидно, что применительно к реалиям паллиативной медицины из всего этого перечня наиболее приемлемым средством являются именно энтеогены: та же психологически и физически крайне трудозатратная аскеза, к примеру, явно не соотносится с соответствующими возможностями инкурабельных больных, экстренно, к тому же, нуждающихся в эффективной психо-духовной поддержке.

Психоделическая терапия умирающих – это разработанный еще в 60-х годах XX века метод паллиативной медицины, заключающийся в принятии инкурабельным пациентом высокой дозы энтеогена, вызывающей переживание ПТО, результатом которого становится мощный пролонгированный психотерапевтический эффект. Можно сказать, что по сравнению с применяемыми в данной сфере средствами, эта методика обладает, по крайней мере, двумя очевидными достоинствами. Во-первых, она способна эффективно устранять саму основу экзистенциального дистресса, предоставляя человеку надежную возможность получить своеобразный эмпирический опыт в области запредельного и, соответственно, изменить его отношение к смерти, которая начинает восприниматься, по словам С. Грофа, уже не как экзистенциальная катастрофа, а как естественный переход в некое новое благое качество [4, с. 20–22, 404]. Во-вторых, как показывают клинические исследования, в большинстве случаев эта техника предполагает проведение с пациентом всего одного подготовленного и контролируемого специалистами сеанса, что, по сути, потенциально означает существенную денаркотизацию сферы паллиативной медицины (конечно, с учетом использования мощных неаддитивных и непсихоактивных обезболивающих, хотя и сами энтеогены также обладают соответствующим,

хотя еще и не до конца изученным, потенциалом) [4, с. 395–396].

Объективности ради следует сказать, что в публичном пространстве имеет место принципиальная дискуссия относительно «подлинности» ПТО, генерированного энтеогенами, ярким воплощением которой служит применяемый к данному классу психотропов альтернативный термин «галлюциногены». Однако тот же С. Гроф неоднократно в своих работах подчеркивает, что нет существенной разницы между глубинными переживаниями, вызванными психоделиками и другими техниками, составляющими практическую основу великих духовных традиций, будь то медитация, контролируемое дыхание и т.п. По этому поводу можно также привести хотя бы тот факт, что проводимые с 50-х годов прошлого столетия официальные научные исследования психоделических эффектов довольно скоро вышли за рамки чисто научного дискурса, поскольку получаемые эмпирические данные попросту не укладывались в систему материалистических представлений о природе и возможностях человеческого сознания, полностью при этом соответствуя базовым мифолого-религиозным представлениям человечества... Стоит также добавить, что данная ситуация, в свою очередь, оказала существенное влияние на формирование трансперсональной психологии – своеобразной «научной эзотерики» настоящего, представляющей собой своеобразный «сплав» современных психологических теорий с опытом традиционных религий и различных духовных практик.

Все вышесказанное вызывает естественный вопрос о глубинных причинах игнорирования современной медициной столь действенного средства и упорного замалчивания в общественном дискурсе самой темы его психотерапевтического потенциала, что тем более странно с учётом широкого применения в паллиативной сфере таких одиозно-аддиктивных психотропов, как опиаты.

Попытки проследить истоки данного отношения неизбежно приводят к библейскому сюжету об Эдеме, который известный этномиколог Т. Маккенна метко назвал «первомифом нашей культуры» [6]. Однако рассказ о грехопадении прародителей человечества в Земном раю никакого вразумительного ответа на этот счет не дает, поскольку исторический запрет на энтеогены (представленные авторами Книги Бытия в образе Древа жизни) объявлен в нем догматически. И все же, как представляется, ответ может быть найден, если «копнуть» глубже и обратиться к цивилизации Шумера и Аккада, история и культурное наследие которой оказали огромное влияние на фор-

мирование ветхозаветной мифологии. Обращение к историческому опыту этой первой – как ее называл Сэмюэл Крамер – человеческой цивилизации позволяет не только выявить исходную причину данного эпического запрета, но и оценить степень его адекватности в отношении умирающих больных.

В предельно сжатом виде результаты такого исследования, проведенного посредством анализа содержания шумеро-аккадской мифологии с позиций базовых представлений истмата, этномикологии и трансперсональной психологии, можно изложить следующим образом.

Необходимость обеспечения социально-экономического развития и общественной безопасности потребовала от первых государственных образований Двуречья введения официального ограничения на традиционную архаичную практику культового использования энтеогенов, ранее являвшуюся основным фактором поддержки религиозного сознания у жителей Месопотамской ойкумены и источником появления у них фундаментальных цивилизационных открытий и изобретений. Причиной исторического запрета стала сама способность данных субстанций быстро и гарантированно открывать доступ к «живому» мистическому экстазу, имеющему свойство порождать у переживших его индивидов мощный «шлейф» психологического благополучия в виде «целостного» умиротворённо-эмпатичного состояния сознания с перспективой общей «пацификации» мировоззрения и формирования пассивно-созерцательного отношения к миру. Очевидно, что несмотря на наличие у принально-трансперсонального опыта столь впечатляющего холотропно-эвристического потенциала, исторически обеспечивавшего «целостность» архаичного сознания и генерацию устоев цивилизации в виде идей базовых социальных институтов и прорывных производственных технологий (т.н. «принципы Мэ»), вышеуказанный эффект ПТО в целом представлял собой фундаментальную угрозу самому физическому существованию социума, поскольку повальная «пацификация» сознания в условиях культовой доступности энтеогенов не только превращала население раннего Шумера в инертную «массу», малоэффективную в плане реализации насущных задач по активной трансформации чувственно данной реальности, но и подрывала психологическую готовность общества к «силовым» стратегиям выживания в высококонкурентной социальной среде.

Исторически эта угроза, согласно месопотамской мифологии, нивелировалась цивилизацией путём внедрения в рамках религиозного культа сложных (прежде всего – аскетических) процедур вхождения

в мистическо-экстатические состояния сознания, и введения прямого государственного запрета на традиционную архаичную практику использования энтеогенов, метафорическим апофеозом чего стал сруб царём Гильгамешем магического дерева шумеров хулуппу с шельмованием его хозяйки – убейдской богини Инанны. Подоплека здесь очевидна: в отличие от просто употребляемых внутрь энтеогенов, гарантированно обеспечивающих инволюцию психики к глубинным пластам перинатального бессознательного, «тяжёлые» аскетические психотехники естественным образом отвращали широкие массы обывателей от соблазна достижения экстатических переживаний в пользу приобщения к «безопасной» ритуально-догматической модели религиозности, сохранявшей их в качестве полноценных исполнителей социальных функций [7].

Как и рассчитывали инициаторы запрета энтеогенов, насильственный вывод общества из инертного состояния архаичной психологической гармонии стимулировал резкое ускорение цивилизационных процессов в Южной Месопотамии, включая, прежде всего, создание грандиозной сети ирригационных сооружений как инфраструктурной основы всей экономики региона, развитие целого ряда производственных отраслей, в том числе строительства и цветной металлургии, трансформацию социально-политической структуры общества в виде классового расслоения и окончательного утверждения института царской власти, высокие темпы урбанизации, расцвет науки, письменности, культуры, т.е. появление знакомого нам «классического» слепопотного Шумера III тыс. до н.э. Однако изнанкой этого цивилизационного успеха стало формирование у населения региона острого духовно-экзистенциального кризиса вследствие выхолащивания религиозного сознания, спровоцированного отсутствием простого и надёжного доступа к ПТО, что нашло своё выражение в возникновении устойчивого скепсиса относительно идеи посмертного благополучия в виде убеждённости в перспективе безрадостного пребывания безжизненной души-тени в мрачном Подземном царстве.

Реабилитация гегемонами Третьей династии Ура (XXI в. до н.э.) культовой энтеогенной магии в качестве особой привилегии господствующей элиты оказало парализующее влияние на её способность к принятию и практическому воплощению в жизнь жёстких волевых решений, вызвав – при наличии развитого исполнительного аппарата – скорый коллапс государственного управления, приведший страну к территориально-политической дезинтеграции, вторжению варварских племён и, как следствие, –

общему закату тысячелетней цивилизации Шумера как таковой.

Хотя указанный кризис религиозного сознания так и не был преодолен данной исторической общностью, вызвавший его запрет на культовое использование энтеогенов стал исторической причиной слома архаичной растительно-магической духовной традиции и начала формирования на Ближнем Востоке новой, соответствующей цивилизационному способу существования, религиозной парадигмы, нашедшей своё законченное воплощение в ветхозаветной традиции, окончательно сложившейся в т.н. «Осевую» эпоху. Однако при этом ещё самими шумерами была осознана определенная двойственность этой начинавшей складываться модели религиозности, предполагающей в абсолютно подавляющем большинстве случаев отсутствие личного опыта мистико-экстатических переживаний и опору на догматические представления, что под влиянием привычного трезво-рассудочного отношения к реальности нередко и «разжижает» веру, а то и вовсе заводит человека в «экзистенциальный тупик»...

Вместе с тем, шумеро-аккадская мифология, признавая объективно-необходимый характер запрета, последовательно транслирует нарратив исключительной эффективности энтеогенов как единственно в её глазах действенного средства профилактики и терапии танатофобии, при этом прямо указывая на сруб «священной рощи» Инанны как причину утраты цивилизованным человеком бессмертия, т.е. веры в вечную жизнь, точнее, – в возможность своего посмертного благополучия. Примеры тому – судьбы всех главных героев шумеро-аккадского эпоса в лице культурирегеров и царей от Адапы до Гильгамеша (и наоборот: сюжеты о чудесных спасениях с помощью возвращенного «дедовского» средства как в случае Этаны и Лугальбанды).

Таким образом, очевидно, что цивилизационный запрет на энтеогены, позже сакрализованный в рамках иудейской традиции, исходно имеет адаптационную основу и все так же, если не более, актуален сегодня, как и несколько тысячелетий назад, учитывая уровень развития современной техногенной цивилизации и масштаб стоящих перед ней задач. Интересы выживания и дальнейшего развития диктуют обществу необходимость противодействия факторам, способным угрожать их реализации, включая и вопрос доступности психоделиков, о чем свидетельствует ещё мифология Древней Месопотамии. К сожалению, заложниками этой ситуации оказываются умирающие – совершенно специфическая категория пациентов, в силу своего состояния уже

исключённая из активной общественной практики, и сама остро нуждающиеся в экстренной и эффективной психотерапевтической поддержке общества, оказать которую имеющимися в наличии средствами оно способно далеко не всегда. Однако если табу на энтеогены исторически обусловлено задачей сохранения «адаптивного тонаса» населения, то в случае инкурабельных больных оно представляется явно избыточным, поскольку столь желанная психологическая «целостность», обрётённая в рамках соответствующей паллиативной помощи, вряд ли сможет причинить социуму какой-либо вред...

Дополнительная информация

Вклад автора. Автор подтверждает соответствие своего авторства международным критериям ICMJE (все авторы внесли существенный вклад в разработку концепции, проведение исследования и подготовку статьи, прочли и одобрили финальную версию перед публикацией).

Источник финансирования. Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Additional information

Author contribution. All authors made a substantial contribution to the conception of the work, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the work, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the work.

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

Competing interests. The authors declare that they have no competing interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fitchett G., Emanuel L., Handzo G. et al. Care of the human spirit and the role of dignity therapy: a systematic review of dignity therapy research // BMC Palliative Care 14. 2015. Article no. 8.

URL: <https://bmcpalliativecare.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12904-015-0007-1> (accessed: 16.05.2022).

2. Блокировать научные исследования крайне опасно. Интервью психиатра Александра Лебедева. URL: <https://vrachirf.ru/concilium/61855.html?ysclid=13ulpzonk1> (accessed: 07.05.2022).

3. Blinderman C. Psycho-existential distress in cancer patients: a return to "entheogens" // Journal of Psychopharmacology. 2016. Vol. 30 (12). P. 1206. doi: 10.1177/0269881116675761.

4. Гроф С. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М.: АСТ, 2008. 475 с.

5. Гроф С. Путешествие в поисках себя. М.: АСТ и др., 2008. 330 с.

6. Маккенна Т. Пища богов. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1995. 21 с.

7. Иванов К.В. Араттский мифологический цикл как «лебединая песня» шумерской цивилизации // Седова Н.Н., Смирнов К.С., Костенко О.В. и др. Человек и цивилизация: коллективная монография. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2024. С. 83–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74497472>.

REFERENCES

1. Fitchett G., Emanuel L., Handzo G. et al. Care of the human spirit and the role of dignity therapy: a systematic review of dignity therapy research // BMC Palliative Care 14. 2015;8. URL: <https://bmcpalliativecare.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12904-015-0007-1> (accessed: 16.05.2022).

2. Blocking scientific research is extremely dangerous. Interview with psychiatrist Alexander Lebedev. (in Rus.) URL: <https://vrachirf.ru/concilium/61855.html?ysclid=13ulpzonk1> (accessed: 7.05.2022).

3. Blinderman C. Psycho-existential distress in cancer patients: a return to "entheogens". Journal of Psychopharmacology. 2016;30(12):1206. doi: 10.1177/0269881116675761.

4. Grof S. The Greatest Journey. Consciousness and the Mystery of Death. Moscow; AST, 2008. 475 p. (in Rus.).

5. Grof S. Adventure of Self-Discovery. Moscow; AST, 2008. 330 p. (in Rus.).

6. McKenna T. Food of the Gods. Moscow; Institute of Transpersonal Psychology Publ., 1995. 21 p. (in Rus.).

7. Ivanov K.V. The Aratta mythological cycle as the "swan song" of the Sumerian civilization. Sedova N.N., Smirnov K.S., Kostenko O.V. et al. Chelovek i tsivilizatsiya: kollektivnaya monografiya = Man and Civilization: a collective monograph. Volgograd; Publishing House of VolgSMU, 2024:83–108. (in Rus.) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74497472>.

Информация об авторе

К.В. Иванов – старший преподаватель кафедры философии, биоэтики и права, Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия; E-mail: konst.ivanoff2015@yandex.ru

Information about author

K.V. Ivanov – senior lecturer of the Department of philosophy, bioethics and law, Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia; E-mail: konst.ivanoff2015@yandex.ru